

Когда открываешь книгу стихов, первое, на что обращается внимание, — это неровности, выпуклости. Слово проводишь пальцем по гладкой, на первый взгляд, поверхности и вдруг то тут, то там ощущаешь шероховатость. Такой шероховатостью в книжке Сахновского становятся частые перебивки ритма в одном стихотворении:

*...что буду помнить? Как я
был свободен
от страха смерти,
как неуязвим.*

*А в доме на вагонные раскаты
истошно отзывается посуда,
и только-только обжитое
чудо
уже прошиито сквозняком
утраты.*

Ритм стиха, в который ты только что погрузился, надламывается. Это заставляет читателя как бы «протереть глаза», уточнить прочитанное. И иногда оправдание такой

ритмической ломке найти довольно трудно: ничто в ткани стихотворения, вроде бы, не обуславливает этого. Но если воспринять сборник как единое целое, если тканью становится весь корпус стихов, то и эти ритмические «швы» оказываются на своем месте. И то, что проходят они в более или менее случайных (на первый взгляд) местах, — объяснимо. Хронотоп сборника так огромен, пространство и время так причудливо переплетены, что иногда поэту просто необходимо продемонстрировать соединяющие их швы. Выпуклые, рельефные, при ближайшем рассмотрении они не выглядят, как небрежные попытки «шить на скорую руку», скорее это — важная деталь, благодаря которой иногда удается соединить пытающуюся разорваться на куски пеструю ткань вселенной.

А вселенная Сахновского в сборнике поистине безгранична.

Хотя путь, который проходит лирический субъект, на первый взгляд, понятен — геометрически выверен и представляет собой замкнутую окружность. Путь из Свердловска в Екатеринбург. Путь от весны к весне. Путь от дома к дому. От себя к себе. Из вечности — в вечность.

Город — один из важных образов сборника. Иногда этот город совершенно четко идентифицируется как род-

ной для поэта Свердловск-Екатеринбург.

*Там Европа и Азия стынут
в обнимке глухой,
монументы в тугих пиджаках
там и тут — на посту.
Правда, в Азии можно купить
пирожки с требухой,
и туда европейцы в трамвае
летят по мосту.*

...
*...Впрочем, если разнимешь
туман,
то увидишь подпольный
роман
двух семейных в Основинской
роще.*

Но одновременно это и просто — город. Один из множества в пространстве и во времени. И воплощенная сущность города. И город в истории и в культуре: и Пантикапей, и Итака, и Троя...

*Город проснулся и душу
заполнил.*

...
*Зеленой влажной духотой
Наполнен захолустный город...*

...
*Но не младше нас и не глупее
Тот ребенок, припавший
к камням
Обреченного Пантикапея.*

Связующая нить проходит сквозь всю историю культуры, и на этом полотне вышиты современность и история, человек и вселенная, жизнь и смерть, любовь.

Я так давно тебя люблю,
что, если б жизнь
равнялась морю, –
за Одиссеевой кормою
пришлось бы мчаться
кораблю.

В тот город, где рассвет
встречают
и снова ткут –
на верность и на риск.
И я уже почти не различаю –
где ты, где я,
когда мы начались.

Стихотворная вселенная
сборника оказывается густой,
насыщенной, яркой. И уже не
кажется, что путь, которым я –
читатель – пройду, это путь
простой и ясный. Не окруж-
ность, но спираль, каждый ви-
ток которой проходит сквозь
новые и новые слои време-
ни и пространства. И уже не
удивляет, что один бассейн
составляют маленькая ураль-
ская речушка Бисерть (на
берегу которой стоит одно-
именный населенный пункт)
и могучий Нил.

Вообще мир «Илиады» и
«Одиссеи» настолько универ-
сален, что позволяет на своем
густом и прочном растворе
строить все новые и новые по-
этические города. И для Сах-
новского этот материал тоже
благодатен. Центральное ме-
сто в поэтической книге зани-
мает большое стихотворение
«Возвращение» – concentra-
ция смыслов и образов всего
сборника – как светящийся
изнутри волшебный шар.

В нем отражено единство
мира, «немыслимое родство»
«между земными хижинами
пчел / и легкой плотью / не-
прикаянных снежинок».

И может быть, вселенная
во всем
себя самолюбивно отразила.
Сперва на помочах меня
водила,
но, отказавшись быть
поводырем,
смотрела мною,
мною осязала
и слушала свое большое тело.

Видится здесь родство с За-
болоцким. С его неделимо-
стью человека и природы. Но
интересно и другое пересе-
чение. Заболоцкий – один из
переводчиков «Слова о полку
Игореве», а Игорь Сахновский
как бы видит в своем поэти-
ческом мире и самого себя
как древнерусского князя
Игоря. Но события «Слова...»
у Сахновского рожают нечто
новое и парадоксальное.

...Это пьяный от крови Кончак
похваляется легкой добычей.

Он послал в наше древо
стрелу,
оперенную яростью меткой,
но ударит она по стволу
и – вращает,
и останется веткой.

Тут на ум приходит вещий
Боян, растекающийся мыс-
лию по древу. Ой, не в то ли
самое древо входит конча-

ковская стрела и прорастает
новой культурной ветвью...
И здесь же князь Игорь... Тут
совершенно закономерно, что
Игорь – одновременно и князь,
и поэт:

Мне имя собственное странно,
так и не понятое мной:
как будто князь на поле
бранном
лёг
к мирозданию спиной.

Что началось однажды,
останется навсегда. И все свя-
зано со всем. И все зависит
от всего. И все принадлежит
всем. И человек, эта песчинка
в огромном мире, оказывае-
тся одновременно и творцом, и
хранителем. И тогда «смерти
нет», а есть «желторотая тро-
стинка», извлекая из которой
простую музыку, человек все
глубже понимает свою Сопри-
частность природе, времени,
культуре...

Как дышит маленький Гомер
Всемирной нашей Илиадой.

Гомер, дышащий Илиадой,
как маленький мальчик, ко-
торого мама усадила над ми-
ской с горячим картофелем,
накрыла голову полотенцем, и
мальчик дышит, дышит, чтобы
выздороветь. Так и читатель
сборника Игоря Сахновского
имеет шанс к последним сти-
хам прийти с оздоровленной
душой.

Александр Моисеев